

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Поветкиной Полины Борисовны
на тему: «Мифологическая персонификация «ночного кошмара»:
структура фольклорного образа и ареалы его бытования»
по специальности 5.9.4 – «Фольклористика»

Диссертационная работа П.Б.Поветкиной посвящена анализу фольклорных мифологических представлений, связанных со зморой и сходными мифологическими персонажами, в польской традиционной культуре в сопоставлении с фольклором соседних традиций. Работа продолжает серию исследований славянской «низшей» мифологии, большая часть которых принадлежит авторам, принадлежащим к московской этнолингвистической школе (Н.И.Толстой, С.М.Толстая, Л.Н.Виноградова, М.М.Валенцова, А.А.Плотникова и др.) и в значительной мере опирается на те методы, которые были разработаны, и использует и развивает выводы, которые были сделаны этими авторами. Актуальность работы определяется тем, что в современной фольклористике и этнолингвистике реализуется новый подход к описанию «низшей» мифологии, основанный, в отличие от «классического» подхода, на понимании мифологического персонажа не как статичного образа, обладающего набором фиксированных характеристик, а как «пучка» признаков, набор которых может меняться в зависимости от ареала распространения верований и которые сами по себе не уникальны и не привязаны ни к какому одному персонажу. Подобные выводы могли быть сделаны лишь при том условии, что накоплено значительное количество полевых данных и лишь с использованием метода картографирования явлений традиционной культуры. П.Б.Поветкина привлекла для работы огромный корпус полевых данных, по большей части неопубликованных, собранных в XIX-XX вв., в частности в рамках работы над Польским этнографическим атласом (здесь весьма на руку диссертанту было то

обстоятельство, что данные фиксировались по единым принципам и относительно равномерно на всей территории Польши). В общей сложности использовано 1253 записи, которые составляют весьма солидный корпус текстов.

В 1 главе работы рассматриваются характеристики (признаки) персонажей, олицетворяющих «ночной кошмар» и формирующие упомянутый «пучок». В основу схемы описания положена схема, предложенная Л.Н.Виноградовой и С.М.Толстой, несколько модифицированная для нужд соответствующего описания. Таким образом автор показывает нам основной набор характеристик, которые могут приписываться исследуемым персонажам. Достаточно подробное и хорошо документированное описание признаков позволяет читателю судить об этнодиалектной специфике персонажей. прилагаемые карты наглядно иллюстрируют сделанные выводы. Там же рассматривается набор сюжетов и мотивов быличек, связанных с анализируемыми персонажами, а также прочие жанры и контексты, в которых они упоминаются (бранные формулы, проклятия, сравнения, запреты). Вторая глава посвящена «картографическому анализу», то есть основанному на картографировании отдельных признаков персонажей, олицетворяющих «ночной кошмар» описанию географического распределения отдельных их черт и региональной специфике представлений о «ночном кошмаре». Наконец, третья глава претендует на рассмотрение польских мифологических персонажей на общеславянском фоне.

Столь подробное описание небольшой группы мифологических персонажей (фактически, речь идет об одном таком персонаже – зморе) вполне оправданно, поскольку словарные статьи на соответствующие темы и разрозненные полевые материалы – это едва ли не все, что у нас есть в связи со зморой. Теперь читатель может обратиться не к лапидарным, но очень концентрированным словарным статьям, часто объединяющим все возможные признаки в одном образе без учета вариативности, но к

подробному описанию, подтвержденному корпусом текстов, бóльшая часть из которых труднодоступна. При этом автор демонстрирует хорошее владение материалом, знание основной (хотя не всей) литературы по исследуемому вопросу, умение систематизировать материал и аргументировать свои наблюдения. Однако от работы, посвященной столь узкой (хотя и важной) теме, хотелось бы большей точности, большего внимания к теоретическим проблемам и большей глубины проникновения в материал.

В названии работы П.Б.Поветкиной заявлено, что будет исследоваться «персонафикация "ночного кошмара"», структура образа и ареалы распространения. Однако в сущности, работа посвящена одному персонажу – зморе – в его польской версии. Точнее – автор время от времени использует обозначение «мифологические персонажи, сходные со зморой» (с. 9, 22, 23 и т. д.), однако нигде не объясняется, что это за персонажи, в чем состоит сходство и почему они обобщенно не могут быть названы зморой при используемой автором практике сведения локальных наименований этого персонажа к наиболее распространенному *змора*.

Собственно, здесь мы сталкиваемся с существенной проблемой, разрешить которую непросто: т.н. «пучок» признаков включает в себя и название. Демоним не может быть сочтен основным дифференциальным признаком как по причине вариативности названий одного персонажа, так и по причине аморфности самих образов и время от времени возникающих затруднений в разграничении их. Вопрос, какой из признаков взять за основу, должен быть решен крайне взвешенно и мотивированно.

Такой взвешенности и точности в выделении релевантных характеристик не очень хватает в работе. Так, автор фактически всю демонологическую систему склонна сводить к одному принципу – персонализации: «Персонализация как фундаментальная основа фольклорной образности ярко проявляется в народной демонологии. Благодаря этому универсальному мифопоэтическому механизму во всех

фольклорных традициях появились духи-хозяева мест (леса, гор, болот, полей, рек и т.д.). Однако олицетворение природных феноменов не ограничивалось ландшафтом. По наблюдениям Л. Н. Виноградской, "механизм мифологической персонификации активно действует в текстах народной культуры по отношению не только к природным стихиям (гром, вихрь, огонь, вода, земля, мороз и т. п.), но и к человеческим состояниям (страх, болезнь, смерть), социокультурным понятиям (судьба, доля, счастье, богатство в виде одушевленного клада), а также к пространственно-временным категориям"» (с. 5–6). Несомненно, принцип персонификации играет существенную роль в формировании фольклорной образности, в том числе и в формировании мифологической системы, но едва ли может быть – вслед за приверженцами мифологической школы – назван основным или единственным. Во всяком случае, едва ли *genii loci* могут быть сведены, как утверждает автор, к принципу персонификации. Кроме того, наличие духов-хозяев характерно отнюдь не «всем фольклорным традициям» даже в славянском мире. Это, впрочем, не относится к зморе, образ которой в значительной мере (хотя не исключительно) строится вокруг осмысления сонного паралича.

Во втором разделе первой главы предлагается обзор сюжетов связанных со зморой, при этом П.Б.Поветкина рассуждает о перспективах создания сюжетного указателя. Несомненно, такой указатель был бы очень полезен не только для анализа этого персонажа, но и для понимания всей системы польской актуальной мифологии в целом. Однако в диссертации дается не столько указатель, сколько материалы к нему. Эта предварительная и очень важная работа проделана, кажется, весьма тщательно, однако тоже содержит некоторые упущения. Так, читатель не видит перед перечнем сюжетов никакой мотивационной части, где бы раскрывалось, по каким принципам сюжеты выделяются: какие их составляющие рассматриваются как базовые и ложатся в основу метаописания, какие обобщаются или конкретизируются, какие вовсе опускаются. Наконец, остается открытым

даже такой вопрос, что именно перечисляет автор: сюжеты или мотивы. Этот базовый вопрос о выделении единиц классификации обсуждался в фольклористике не менее века и разнообразные образцы каталогов, индексов и указателей мы имеем в большом количестве, так что автору есть на что опереться. Между тем вынесенная в заглавие раздела формулировка «Парадигма сюжетов и мотивов» оставляет нас в недоумении, тем более что ниже дается перечень именно «сюжетов» (если судить по заголовкам), которые, впрочем, зачастую оказываются как раз мотивами. Так, выделенный отдельно «Сюжет *МП в костеле*» (с. 83) – это не сюжет, а мотив, так как не встречается самостоятельно, а сочетается с другими, например, с «Сюжетом *Хозяйка кормит работника высосанной кровью*» (с. 83-84). Вызывает недоумение и правомерность заменять метаописание «сюжета» при помощи цитаты, пусть даже и важной, но такой, которая не описывает самого сюжета: «Сюжет *Если панна, будь Анна, если пан, то будь Ян*» (с. 86).

Следующий раздел первой главы посвящен обзору упоминаний зморы в не нарративных (былички), а паремийных жанрах. Само по себе обращение к бранным формулам, сравнениям, ритуальным запретам и прочим малым фольклорным формам и устойчивым речевым конструкциям весьма важно для выявления всех возможных коннотаций, связанных с исследуемым персонажем. Однако, на мой взгляд, такое обращение требовало бы большей точности и скрупулёзности. Иногда используемые при описании этих коннотаций формулировки ставят в тупик: так, при описании сравнений со зморой, автор выделяет такую характеристику персонажа, как «женский пол», что подтверждается следующим примером: «бродит, как МП» (*łazi jak ta wieszczycza*) (с. 91). Кажется, однако, что пол не является здесь базовой характеристикой (могу предположить, что подобная идиома может быть использована и применительно к мужчине), а выводится исключительно из грамматического рода лексемы *wieszczycza* – то есть не из идиомы вовсе. Так же точно и в сравнении «бродит, как МП» (с. 92) едва ли могут быть усмотрены вынесенные автором в заголовок «особенности передвижения» –

каковы эти особенности, так и остается неясным. Печально, кстати, то обстоятельство, что практически все идиомы даются лишь в переводе на русский, без оригинальных текстов.

Вторая глава содержит объяснения и мотивировки к составленным и приложенным к работе картам. В частности глава включает важное рассуждение о понятии двоедушничества применительно к зморе и похожим персонажам в иных (не польской) фольклорных традициях. Эта особенность ряда демонических персонажей, действительно, выделяется в исследованиях по актуальной мифологии. В значительной мере мы имеем дело тут с этной точкой зрения, в то время как внутри самой традиции указания на наличие второй души у тех или иных персонажей весьма редки. П.Б.Поветкина спорит с высказывавшимися неоднократно утверждениями о том, что люди с демоническими особенностями имеют две души, вторая из которых во время сна покидает тело и отправляется вредить людям. В частности в работе доказывається, что такие представления особенно распространены в карпатском регионе. Эти рассуждения, несомненно, имеют научную значимость, однако местами заметно смешение эмного понимания двоедушничества, которое встречается редко и территориально ограничено, и этного которое используется как научный конструкт, позволяющий описать конкретные мотивы. Тем не менее, следует отметить эту важную попытку уточнить терминологию.

Третья глава диссертации посвящена рассмотрению представлений о зморе на общеславянском фоне. Задача, которую ставит автор, заключается в том, чтобы «выйти на новый уровень изучения темы и поставить вопрос о ее [персонификации «ночного кошмара» – А.М.] месте в славянском демонологическом фонде» (с. 145). С этой целью, как заявляет автор, «проблема сравнения М[ифологических] П[ерсонажей] будет рассмотрена на примере польской *зморы* и сходных с ней по функциям, дифференциальным признакам и кругу мотивов и сюжетов МП из фольклора южных, восточных и других западных славян» (146). В действительности рассматривается не

столько «проблема сравнения», сколько сами сюжеты и признаки персонажей. Такое сравнение действительно важно и открывает некоторую перспективу в разговоре о системе описания мифологических персонажей. Однако при столь внимательном рассмотрении польской традиции сопоставительное исследование требует адекватного понимания традиций других славянских народов. В действительности же автор фактически опирается в своем рассуждении на три работы: А.А.Плотниковой при рассмотрении южнославянских представлений (кстати, даже южнославянская терминология П.Б.Поветкиной игнорируется: южнославянский термин *veštiца* подменяется восточнославянским *ведьма*, при том что эти два персонажа, хоть и имеют много общих черт, отнюдь не могут быть отождествлены), М.М.Валенцовой при рассмотрении чешских и словацких мотивов и Е.Е.Левкиевской при рассмотрении представления о восточнославянском домовом. Хотя упомянутые работы и представляют несомненную научную ценность, но материал, в них содержащийся, явно несопоставим по качеству, объему, репрезентативности и полноте с анализируемым польским материалом.

Наконец, автор диссертации допускает ряд неточностей, которые не просто снижают ее эвристическую значимость, но могут привести читателя к неверным выводам относительно мысли автора. Приведу несколько наиболее существенных примеров:

- «В свою очередь, у восточных славян соответствующий персонаж отсутствует практически повсеместно, и связанные с ним у западных и южных славян признаки, функции, мотивы и сюжеты в восточнославянском ареале либо не имеются, либо переходят к другим персонажам – *домовому*, *домовику*, *ходячему покойнику* или *черту*, которые обладают некоторыми схожими со *зморой* чертами, но представляют собой самостоятельные персонажные типы» (с. 167). Такого рода формулировка заставляет думать, что змора первична по отношению к домовому или, по крайней мере, что домовый перенимает у

зморы эту функцию. На чем основано подобное утверждение, не сообщается да и едва ли этот тезис может быть как-либо аргументирован.

- Змора «может совсем не иметь пола. В отличие от быличек и поверий о *зморах* женского пола, в последнем случае *змору* обычно нельзя распознать, потому что бесполое сверхъестественное существо, а не полудемон или человек с демоническими особенностями» (с. 36). Что такое «полудемон» и чем он отличается от «человека с демоническими особенностями» – не объясняется ни ранее, ни ниже. Можно предположить, это одно и то же, но точка зрения автора неясна.
- Говоря о сюжете «*Месть МП*», автор упоминает такой мотив: «При виде ножа МП вытаскивает его, ломает или отбрасывает прочь и исчезает навсегда» (с. 80-81), – однако тут описана не месть, а гнев зморы, вряд ли сломанный нож можно назвать мезтью. Сюжет «*Хозяйка кормит работника высосанной кровью*» описан так: «Сходный со *зморой* МП вредит работнику, хозяйка которого постоянно кормит его блюдом из крови» (с. 82). Однако из такого метаописания вовсе не понятно, что именно хозяйка в данном случае и есть тот самый мифологический персонаж, «сходный со *зморой*».
- «Конфигурация знаков, присутствующая на карте в виде плотного скопления, свидетельствует о том, что данное представление было очень распространено в Польше во время проведения собирательской работы, что может говорить о его архаичности и укорененности в деревенской культуре как минимум с середины XIX века» (с. 126). Не говоря уже о том, что понятие архаики обычно используется в фольклористике совершенно произвольно, в соответствии со вкусами автора (П.Б.Поветкина следует этой традиции в полной мере, не давая никаких разъяснений и доказательств), следует задаться вопросом, действительно ли распространение того или иного культурного явления свидетельствует о его архаической природе.

- Пытаясь соотнести мотив «змора появляется в виде соломины» с повседневно-бытовыми практиками, П.Б.Поветкина пишет: «Во многих регионах Польши раньше спали на соломе» (с. 109). В основу дальнейшего рассуждения кладется это «во многих регионах»: «Данные примеры подтверждают, что зоны Польши, в которых солома или изделия из нее были предназначены для сна, и ареал распространения мифологического текста о *зморах* пересекаются» (с. 110). Такое рассуждение выглядит не вполне корректным в связи с тем фактом, что использование соломы для набивки матрацев – явление не региональное (характерное для «некоторых регионов Польши»), а социальное: соломой пользовались семьи победнее, те, кто не мог позволить себе перину, притом на существенно более широкой территории, чем «некоторые регионы Польши». О том же говорит и ссылка на Дороту Симонидес (сноска 737), которая в которой речь идет не о регионах, а о **домах**, в которых для сна использовалась солома.
- «Найденная на полу соломинка предсказывала приход гостя (в Кашубии даже приход женщины). Эти же значения в числе прочих приписываются и соломе, увиденной во сне. Оба этих примера любопытны еще и потому, что они дублируют в реальной жизни фрагменты сюжета о распознавании *зморы* с помощью обещания угощения. Обнаружение соломинки на полу буквально воспроизводит в реальности эпизод из мифологического текста о *зморах*, а приснившаяся соломинка обозначает гостя именно потому, что в народной культуре нападение *зморы* на людей обычно происходит во время сна, после которого есть возможность ее распознать» (с. 106). Эта цитата выдает стремление автора свести все имеющиеся данные к «общему знаменателю» и установить связь между всеми известными ей символическими значениями соломы. Однако отождествление просто гостя со столь зловещим посетителем неправомерно.

- Говоря о фольклорной традиции, время от времени П.Б.Поветкина почему-то начинает вместо этнокультурных ареалов оперировать административными и политическими единицами: так упоминается О. Кольберг, «который прибегал к помощи корреспондентов и стремился описать этнографию не только Польши, но и соседних стран» (с. 121). Культуру каких стран собирался описать Кольберг, непонятно, но даже и о Польше как о стране применительно ко времени его жизни говорить некорректно. Эта неточность повторяется и ниже: «Уже сейчас видно, что найденные примеры двоедушия *зморы*, в основном, расходятся в глубь Польши от ее границ с Украиной и Словакией, и слегка затрагивают территорию Верхней Силезии рядом с чешской границей, что соответствует расположению польских Карпат» (с. 142). Государственные границы между тем не влияют на распространение фольклорных мотивов.
- В русской традиции транслитерации принято звук, обозначаемый в польском языке буквой *h* и произносимый в отличие от *ch* как фрикативный *g* передавать буквой «г», тем более в случае, когда имеется общий корень. Транслитерированная фамилия *Бохданович* (с. 19) выглядит несколько странно.

Все высказанные замечания носят характер уточнений, отмеченные неточности объяснимы скорее спешкой, чем недостаточным усердием, и не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.4 – «Фольклористика» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Поветкина Полина Борисовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.4 – «Фольклористика».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор школы филологических наук
факультета гуманитарных наук,
заведующий научно-учебной лабораторией
теоретической и полевой фольклористики
факультета гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»»

МОРОЗ Андрей Борисович

«23» января 2023 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

5.9.4 (10.01.09) – Фольклористика

Адрес места работы:

105066, (РФ) г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, к. Л, ауд. 504,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»»,
факультет гуманитарных наук,
школа филологических наук,
научно-учебная лаборатория теоретической и полевой фольклористики
Тел.: +7 (495) 772-95-90, доб. 22727; e-mail: abmoroz@hse.ru

Подпись сотрудника ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ
А.Б. Мороза удостоверяю:

«23» января 2023 г.